

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРАКТИКА МОНАСТЫРЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В НАКАЗАНИИ СВЕТСКИХ И ДУХОВНЫХ ЛИЦ (НА МАТЕРИАЛАХ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ)

Аннотация. На основе опубликованных и архивных документов рассматривается один из важных аспектов церковной истории России – проблема пенитенциарной практики монастырей. Автором предпринята попытка изучить историю такого вида наказания, как ссылка в монастыри. Выполнен обзор историографии по рассматриваемой теме. Раскрываются отличительные особенности принудительного удаления в монастыри светских и духовных лиц по следующим критериям: цель ссылки, причины ссылки, кто принимал решение о ссылке конкретного лица, инициатор следственного дела, удавалось ли достичь цели (перевоспитания). Сопоставительный анализ проводился с привлечением материалов Государственного архива в г. Тобольске, а также научной литературы. Особое внимание уделяется причинам заключения в монастыри. К региональному аспекту пенитенциарной практики монастырей исследователи только начинают обращаться, и исследование данного вопроса на материалах Тобольской епархии представляется вполне актуальным. Тема настоящей работы, прежде не изучавшаяся, целиком раскрывается на основе впервые привлекающихся архивных источников.

Ключевые слова: Российская империя; Русская Православная церковь; Тобольская епархия; монастыри; ссылка; наказание; духовенство; светские лица.

Сведения об авторе: Александра Владимировна Спичак, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры документоведения и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет».

Контактная информация: 628615, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Нефтяников, д. 37, кв. 103; тел.: 8(912)530-50-23; e-mail: spichak-89@mail.ru.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и администрации ХМАО-Югры, проект № 18-49-860002 p_a.

Осуществление монастырской пенитенциарной практики, т. е. функции социально-религиозного исправления, было одним из направлений социального служения иноческих обителей в дореволюционной России (Рожина 2011: 116). Включение монастырей в общую систему наказания в России связано с их использованием в качестве средства наказания преступников. Монастырская ссылка «на покаяние», «смирение» и «под начало» практиковалась за правонарушения и преступления в отношении духовных и светских лиц (Белова 2011: 75). В монастырской тюрьме оказывались как уголовные преступники, так и политические и религиозные узники. Этот вариант наказания употреблялся для всех видов преступлений, хотя традиционно пенитенциарная монастырская практика все-таки была направлена прежде всего на вероотступников (Ружинская, Кузнецова 2015: 110).

Рассмотрение особенностей развития пенитенциарной системы в России как института, глобально влияющего на политическую, экономическую и духовную сферы жизни общества, привлекает интерес многих исследователей (Матвеева 2014: 212).

Признанным специалистом по вопросу пенитенциарной практики монастырей является А.Р. Павлушков. Он приводит определение понятия «колодники духовного ведомства»: это лица, которые находились в местах заключения, относящихся к ведению Русской Православной церкви (далее – РПЦ) (Павлушков 2012: 82).

П.И. Гайденко рассмотрел некоторые спорные аспекты деятельности древнерусских обителей XI–XIII вв. по удержанию в их стенах знатных узников. Мнение о возможном возложении на монастыри полноценных пенитенциарных функций уже в домонгольский период историку видится неоправданным.

Исследование Н.А. Беловой, частично основанное на документальных источниках, посвящено условиям монастырского заключения преимущественно для светских лиц. Она приходит к выводу о том, что в истории дореволюционной России главным

предназначением православного тюремного служения считалось облегчение положения узников, их нравственное исправление.

В.И. Алексеев считает, что тюремное заключение как добавочная мера к основному наказанию (например, лишению чести, членовредительным карам, клеймению) имела своей задачей отделить наказываемого от остального общества и сделать невозможным доступ к нему.

И.Н. Ружинская и Н.Ю. Кузнецова обратились к одному из предметов исследования яркого публициста конца XIX в. – А.С. Пругавина, который сам был политическим ссыльным и дал подробный ответ на три вопроса о монастырской ссылке: кто, за какие провинности и каким образом мог оказаться в заключении в монастыре в XIX в. Исследователи выделили несколько категорий узников, используя собственную их градацию: лица, совершившие преступления против государства и церкви (сосланные туда за дерзкие и оскорбительные слова) и лица, сосланные за реальные преступления (религиозного характера, уголовные, против государства и власти) (Ружинская, Кузнецова 2015: 110).

А.Ю. Леванов изучил место и роль монастырских мест заключения в механизме уголовной репрессии Российской империи, проанализировал категории узников и правонарушения, караемые монастырским заключением. По мнению ученого, основным контингентом монастырских тюрем были лица, выступавшие против догматов РПЦ, старообрядцы и сектанты, осужденные за преступления против нравственности, за отказ от исповеди и причастия, а также служители церкви, наказанные за пьянство, нарушения общественного порядка, за действия антиправительственного характера. А.Ю. Леванов находит, что монастырское заключение играло весьма скромную роль в пенитенциарной политике вопреки устоявшемуся в советской науке тезису о значительной роли этой формы наказания в карательно-репрессивном механизме Российской империи.

К настоящему времени выполнены исследования, посвященные изучению различных аспектов пенитенциарной практики РПЦ и деятельности монастырей в синодальный период. Известно, что наибольшее распространение монастыри-тюрьмы получили на севере Российской империи. При этом имеется широкий круг неисследованных источников, позволяющих раскрыть региональные особенности проблемы. Так, исследование А.В. Рожиной о монастырской ссылке в Вологодской губернии основывается, прежде всего, на делопроизводственных документах архивов г. Великого Устюга, г. Сыктывкара и г. Вологды. Историк рассмотрела нормативно-правовые основы осуществления монастырской пенитенциарной практики, а также причины отправки в монастырь священно- и церковнослужителей и гражданских лиц в Вологодской губернии. Е.С. Матвеева изучила особенности заключения в монастыри во второй половине XIX – начале XX вв., в том числе на основе материалов государственного архива Орловской области.

Историю монастырей Гобольской епархии во второй половине XVIII – начале XX вв. раскрывает С.Н. Щербич, упоминая об одной из их немаловажных функций – использовании как места ссылки не только духовных лиц, но и светских. Она соглашается с мнением Л.П. Шорохова о том, что в монастырях существовала отлаженная система воздействия на заключенного, которая должна была способствовать отказу от убеждений; существовала и практика насильственного пострижения. Л.П. Шорохов проанализировал деятельность сибирских монастырских тюрем, в которых, как правило, преобладали светские заключенные, а И.Л. Манькова изучила вопрос о ссылке в сибирские монастыри на исправление лиц духовного звания и монахов других обителей.

Таким образом, региональный аспект пенитенциарной практики монастырей только начинает изучаться.

Особое место в системе пенитенциарных учреждений дореволюционной России занимали монастыри, использовавшиеся в качестве мест лишения свободы для наказания и исправления преступников, а также содержания лиц, опасных для государственного

порядка. Как известно, понятие «пенитенциарный» происходит от латинских терминов «*proenitentia*» – раскаяние и «*proenitentarius*» – покаянный и исправительный. Поэтому основной целью содержания в монастырях, кроме наказания, было достижение раскаяния и исправления лиц. На основе византийских традиций в России до XX в. монастыри использовались в качестве постоянных тюрем, в которых лица отбывали общие и особенные наказания. Общие наказания присуждались мирянам и духовным лицам за преступления против всех членов РПЦ, за нарушение духовных устоев, а особенные назначались только духовным лицам за нарушение духовных устоев и своих должностных инструкций (Матвеева 2014: 212). Для священнослужителей такое наказание чаще всего предусматривалось за преступления против веры и нетяжкие уголовные (участие в расколе и прочих «ересях», порочное поведение, требование платы за пострижение и т.п.), для мирян – за нарушение норм семейного и наследственного права (незаконное рождение ребенка, преступная связь, многобрачие и т.п.) (Белова 2011: 75).

Заключение в монастырскую тюрьму являлось одним из самых тяжелых наказаний, применяемых РПЦ с давних пор. Еще в начале XI в., по свидетельству Никоновской летописи, еретики заключались в погреба архиерейских домов (Леванов 2011: 2014).

Если в Древней Руси практика заключения в монастырь рассматривалась «как более строгая внешняя форма принесения публичного покаяния» подвергавшегося наказанию человека, то уже в Московском государстве практика заключения в монастырь подверглась «процессу обмирщения» и на деле стала аналогом государственного наказания (Ружинская, Кузнецова 2015: 107). Судебником 1550 г. в качестве меры наказания было впервые введено тюремное заключение, причем наиболее суровым его видом считалось монастырское заточение (Белова 2011: 76).

Вопреки мнению большинства исследователей, в северные монастыри ссылали не только за религиозные и семейные преступления. Материалы архивов свидетельствуют о многочисленных фактах, когда в монастырские остроги отправляли за уголовные и государственные преступления, а также политических противников в целях их устранения. Можно сказать, что к началу XVIII в. пенитенциарная практика северных монастырей сложилась, но весьма хаотично, и процессуально она не была отрегулирована. Государство и сама церковь были заинтересованы в разграничении тюремной компетенции (Павлушков 2012: 82).

Особо востребованными монастырские тюрьмы стали в XVII–XVIII вв., когда выступления против властей часто облекались в религиозную форму (Леванов 2011: 214). Церковная практика, направленная на приведение нарушителя закона к покаянию, в XVIII в. была введена государством на законодательном уровне (Ружинская, Кузнецова 2015: 107–108). Учреждение Святейшего правительствующего синода (далее – Синода) способствовало сокращению компетенции церковных судов (Рожина 2011: 116). Для проведения следственных мероприятий в Синоде была создана канцелярия, куда входили как духовные, так и светские чиновники. Будучи высшей судебной инстанцией церкви, Синод рассматривал жалобы, апелляции, ходатайства, доносы (пока они были не запрещены). Члены судебной канцелярии Синода принимали присягу, которая практически не отличалась от присяги военных и гражданских служащих (Павлушков 2012: 83). С обнародованием указа от 19 октября 1797 г. епископы были уполномочены осуществлять наложение епитимии «не представляя Святейшему Синоду», то есть сами, не делая предварительных представлений (Рожина 2011: 117).

Правовое поле использования данного вида наказания являлось достаточно широким, его назначали не только за преступления, но и за дисциплинарные проступки. В то же время монастырскую ссылку чаще всего назначали за более тяжкие деяния, когда другие меры воздействия не оказывали положительного эффекта. С середины XIX в. усиливается роль епархиального суда в назначении монастырской ссылки (Павлушков 2013: 29).

К XIX в. система официальных наказаний в империи полностью включила в себя монастырскую ссылку, усилив в ней карательную функцию (Ружинская, Кузнецова 2015:

107–108). К началу XIX в., когда в исправительной системе наметилась линия на коренные изменения, направленные на усиление пенитенциарных начал, назрел вопрос о возможном использовании монастырей в новом качестве. Речь шла о придании монастырской ссылке изначально заложенной функции исправления преступника путем системы нравственно-воспитательных мероприятий. Это потребовало окончательно разрешить проблему о разграничении светского и духовного судопроизводства. Первой такой серьезной попыткой стали «Правила судопроизводства о преступлениях, учиненных духовными лицами» от 22 декабря 1823 г. К ведению духовного суда стали относиться все проступки и преступления, совершенные лицами духовного звания, за исключением уголовных (Павлушков 2013: 25).

В «Правилах судопроизводства...» указывались три основания для ссылки в монастырь духовенства: п. 5) при совершении богослужения в нетрезвости, п. 8) «оказание неуважения к дому Божию и освещенным к оным вещам неблагочинными словами или действием» в нетрезвом виде, «хотя бы то было и в первый раз» на 3–4 месяца «в черные работы», смотря по прежнему образу жизни, п. 12) в случае, если иеромонах или иеродьякон, либо вдовый священнослужитель, осужденные на снятие сана, будут просить об оставлении их в монастыре «на покаяние», и если монастырское и епархиальное начальства будут согласны. При этом монашествующие лица вместо ссылки в архиерейский дом или в монастырь наказывались настоятелем «при частом и настоятельном увещании», т. е. снижением по должности, устранением от общей трапезы, лишением ношения рясы и камилавки, содержанием «под присмотром» на хлебе и воде, «смотря по вине и качествам виновного» (п. 11) (ПСЗРИ 1830: 1337–1341).

Указом от 31 августа 1832 г. «О сокращении делопроизводства по Синодальным Конторам и Консисториям» епархиальным архиереям предписывалось не доводить до Синода сведения о наложении епитимии, за исключением случаев «сомнительных, требующих особого разрешения». На основании решения епархиального суда епископ назначал сроки «исправления» в монастырях для лиц духовного звания. «Устав духовных консисторий» 1841 г. упорядочил систему наложения церковного наказания и отбывания «монастырской ссылки». Среди мер взыскания и исправления, которым могли подвергаться священно- и церковнослужители по епархиальному суду, было «временное запрещение в священнослужении», без отрешения от места, но с «возложением епитимии в монастыре или на месте» либо «временное испытание в Архиерейских домах и монастырях». Для отбывания «духовного наказания» использовались преимущественно отдаленные северные обители Российской империи (Рожина 2011: 117–118).

В главе «О наложении церковной епитимии» устава предписывалось, что «церковное покаяние» на гражданских людей должно налагаться епархиальным начальством или «по приговорам светских присутственных мест». При этом «на основании церковных правил» определялись сроки и «образ прохождения покаяния, по роду поступков и преступлений». В ГБУТО ГАТ содержится немного дел об отбывании на епитимии «гражданских» в монастырях. В источниках сохранились сведения о пребывании на «церковном покаянии» «за отступление от православной веры» (причем встречались случаи побега раскольников из монастыря (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 2258. Л. 1–6). Светские лица подвергались ссылке в монастырь также за длительное отсутствие на исповеди, за «сектантство», за уголовные, гражданские и церковные преступления (убийство, укрывательство беглого, кражи, раскол), а также правонарушения (пьянство, неповиновение начальству, самовольные отлучки, неисполнение обязанностей). По мнению А.Р. Павлушкова, ссылка светских лиц в монастыри во второй половине XIX столетия прекращается. Однако А.В. Рожина нашла в делопроизводственных документах сведения о пребывании крестьян в ссылке в Троицко-Стефановском общежительном монастыре в указанное время (Рожина 2011: 120).

«Устав духовных консисторий» 1841 г. и «Уложение о наказаниях» 1845 г. разграничивали церковную и государственную юрисдикции. Согласно этим документам монастырская ссылка являлась особым видом наказания, которому обычно предшествовали

другие виды наказания. Она включала комплекс исправительных мероприятий, поэтому процедура судопроизводства была более тщательна, чем в рядовых случаях (Павлушков 2013: 25).

В 1840-е гг. законодательное оформление получила ссылка в монастырь несовершеннолетних (на вечную работу – в качестве замены смертной казни, в отдаленные монастыри на 15 лет – за убийство и поджог, на 7 лет – за неоднократные кражи и другие подобные преступления). Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ред. 1885 г.) содержало перечень категорий лиц, которые могли быть подвергнуты монастырскому заточению: несовершеннолетние от 10 до 17 лет, совершившие преступления «по неразумению или осознанно»; священнослужители и монашествующие, приговоренные к временному заключению в тюрьму; гражданские лица за вступление в брак без воли родителей, прелюбодеяние, похищение женщины для вступления с ней в брак против ее воли, кровосмешение с близкими родственниками. Эта тенденция отражала изъятие данного вида наказания из ведомства духовного суда. Церковные суды могли применять монастырскую ссылку в основном только в отношении священнослужителей и монашествующих. Вместе с тем сохранялась функция монастырей по увещанию преступников. С последней четверти XIX в. монастыри постепенно утрачивают свою карательную роль, что было вызвано начавшейся реформой пенитенциарной системы и строительством новых государственных тюрем. Число ссыльных в монастырях и заключенных в монастырских темницах заметно снизилось (Белова 2011: 76).

По изданному в 1866 г. Уложению о наказаниях прослеживались те же нормы, что и в ранее изданных источниках, по которым в монастырское заключение определялись за преступления несовершеннолетних с 10 лет, незамужние женщины за похищение с их согласия для вступления в брак, за прелюбодеяния в браке, а также в таких степенях родства или свойства, в которых по церковным правилам не запрещалось вступать в брак, за кровосмешение в прямой восходящей или нисходящей линии (Матвеева 2014: 216).

Количество людей, ссылаемых по просьбам помещиков и по распоряжениям местных начальников в начале XIX в., было столь велико, что этот показатель в течение девяти лет занимал четвертое место среди имеющихся в табелях Тобольского приказа. В этих табелях выделены в особые графы те из ссыльных, которые осуждены за распутное, развратное поведение. В этих документах они делились на три вида: кровосмешение, мужеложство и скотоложство. Сводные данные о политической ссылке в Сибирь за 1825–1861 гг. свидетельствуют об отправке в ссылку 268 тыс. человек (около половины из них – в административном порядке по распоряжениям помещиков, центральных и местных властей за побег и «ослушания»). Из числа лиц, сосланных по судебным приговорам, около 600 человек осуждены за «государственные преступления» и 4 тыс. – за «возмущение и неповиновение властям». В XIX в. доля осужденных за религиозные преступления составляла 1,3% (2 138) от их общего количества за двадцатилетний период (1827–1846) (Алексеев 2014: 93–94).

Канцелярия Синода в середине XIX в. подготовила справку о лицах светского звания, содержащихся в монастырях. Было выяснено, что общее число светских людей было весьма значительным – около 1,5 тыс. (Матвеева 2014: 213–215). По отчетам Синода, с 1855 по 1859 гг. в монастыри было сослано 4 480 духовных лиц, из них только за пьянство, буйство и вообще неблагопристойное поведение – 3 300 человек. Синод отмечал, что ежегодно за разные проступки ссылают в монастыри до 900 служителей. В начале XX в. среди небольшой части духовенства наблюдалось движение за ослабление власти Синода и епархиального начальства и оживление приходской деятельности. Синод сурово расправлялся с участниками этого движения и рассылал неугодных по монастырским тюрьмам (Леванов 2011: 216).

В монастырском заключении в XIX – начале XX вв. могли оказаться лица, вина которых описывалась следующими формулировками: «наиболее важные преступники против государства и правительства», лица, «так или иначе провинившиеся против церкви

и религии», «сектанты и другие еретики», «за старообрядчество», «за буйство и дерзкие поступки», «лица, совершившие особенно тяжкие уголовные преступления», «за произнесение дерзких слов», «виновные в противоестественных преступлениях». В монастырской тюрьме человек мог оказаться и «по ходатайству своих родственников», и даже если он был «только заподозрен» в совершении преступления (Ружинская, Кузнецова 2015: 110).

Е.С. Матвеева отмечает, что сама цель содержания светских лиц в монастырях не достигалась, т. к. вместо раскаяния появлялось ожесточение из-за отдаленности от дома и непригодных условий содержания, что подтверждают многочисленные жалобы в Синод. Последний, рассмотрев эти жалобы, предоставил право епархиальным начальствам на местах освобождать осужденных людей от длительных переездов с приданием их епитимии на месте жительства под надзором духовных отцов и старцев, которые могли помочь в духовном исправлении падших (Матвеева 2014: 214).

Духовенство подлежало епархиальному суду по проступкам и преступлениям «против должности, благочиния». Сюда относились нарушения должностных обязанностей, самовольный уход с места службы, пьянство, грубость, сквернословие и т. д. Именно в этих случаях чаще всего использовали монастырскую ссылку как исправительное средство. Архивные источники дают богатый материал о ссылке духовенства за пьянство, «непристойные поступки», незаконное венчание родственников, малолетних, нарушения правил венчания (например, венчание в ночное время), кражи, прелюбодеяние, драки (Павлушков 2013: 26). Материалы ГБУТО ГАТ подтверждают это заключение.

В монастырь «в труды» «на хлеб и воду» «для вытрезвления» в Тобольской епархии могли сослать на конкретный срок: на две недели, один месяц, шесть недель, три месяца и даже на полгода; срок определяла ТДК, исходя из тяжести провинности.

После истечения положенного срока преосвященный в случае исправления мог разрешить обвиняемому вернуться на занимаемую должность. Например, дьякон Знаменской церкви Семипалатинской крепости Александр Калугин, согласно рапорту Семипалатинского духовного правления от 10 июля 1810 г., пьянствовал и вел себя несоответственно занимаемой должности и сану: «в доме своем с криком и шумом пел неблагопристойные песни», ругался, харкал и плевал в окно офицерской жены и т. д., был взят под караул для «лучшего спокойствия и безопасности». По справке ТДК оказалось, что согласно клировой ведомости за 1809 г. А. Калугин против священника иногда чинил «грубости и неповиновения», в 1809 г. «обязан в духовном правлении подпиской дабы от таких действий воздержался». 23 декабря игумен монастыря, в который сослали обвиняемого, Филарет сообщил о том, что А. Калугин вел себя положенный месяц «честно и трезво», и 23 декабря архиепископ Амвросий (Келембет) разрешил дьякону служение, «внушив ему провождать жизнь трезво и благотворно, и звание свое проходить как изображено в данной ему грамоте» (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 7. Д. 163. Л. 2–31).

В ТДК со всех сторон, от коллег и начальства, поступали жалобы на священников, которые недостойно вели себя в нетрезвом виде. В ГБУТО ГАТ теме пьянства посвящено 673 дела ТДК за 1749–1893 гг., большинство из них закончились ссылкой в монастырь.

Ссылка в монастырь для священно- и церковнослужителей, как правило, сопровождалась понижением в должности, выполнением определенных монастырских обязанностей. Анализ архивных материалов позволяет утверждать, что следственные дела могли начинаться по доношениям священников-инквизиторов, жалобам прихожан, монахов (Павлушков 2013: 26). Встречаются и необычные случаи, например, когда на клириков доносили их коллеги – «товарищи». Березовское духовное правление составило 3 марта 1770 г. (№ 39) «покорнейший рапорт» епископу Варлааму: «сего марта 1 Березовское духовное правление градоберезовской Воскресенской церкви священник Петр Кузнецов доношением объявил, что товарищ его, священник Андрей Москвитин февраля 28 ч[исла] пришел к вечерни пьяным в алтаре святого великомученика Димитрия, нассал на помост алтарный, а в допросе объявленный священник Москвитин показал, что того дня

был он поздно у прихожан своих в гостях, где напившись допьяна пришел к вечерне, которую отправлял товарищ его приписанный священник Кузнецов, и стоя в алтаре без всякого умышления ненарочным, но скоропостижно ... по немощи ослабным случаем нассал ... на тот помост алтарный, в чем и утвердился». 6 июля 1770 г. ТДК приказала Москвитина за пьянство, «справление нужды» в церкви и переписку с секретным арестантом, чтобы впредь такого не повторилось, послать в Кондинский монастырь на год (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 2358. Л. 1–32).

Ссылка в монастырь либо смертный приговор ожидали духовных лиц, обвиненных в совершении политических, государственных преступлений, принадлежности к расколу. Судебное следствие по таким делам было особенно сложным и долгим, решения согласовывались с различными государственными инстанциями (Павлушков 2013: 25).

При исполнении приговоров над лицами духовного звания, осужденными общими судами за общие преступления, в соответствии со ст. 1029 Устава уголовного судопроизводства, ст. 5 Устава о наказаниях и ст. 86 Уложения о наказаниях священнослужители и монашествующие, получившие замечания, выговоры или приговоренные к аресту и временному заключению в тюрьме, в тех случаях, когда при этом не происходила потеря духовного сана или исключение из духовного ведомства, помещались не в места заключения, а отсылались к духовному начальству для исполнения приговора. В своем указе № 2 от 11 января 1873 г. Синод разрешил этим лицам вместо тюрьмы отбывать аналогичный срок наказания в монастыре (Харламов 2003: 125).

И.Н. Ружинская и Н.Ю. Кузнецова описали алгоритм шагов официальной власти в XIX в., после которого обвиняемый оказывался в монастырском заключении. Первыми, кто должны были возбудить «ходатайства о ссылке и заключении в монастырь», изначально являлись священники и (или) миссионеры, т. е. «местные духовные власти». Именно они могли обращаться в свои епархии с жалобами и донесениями, а уже посредством епархиального начальства эти материалы направлялись в Синод. В дальнейшем, при условии что в Синоде ходатайство из епархии признавалось значимым, «г. обер-прокурор Синода входил с всеподданнейшим докладом по этому поводу». То есть цепочка шагов для вынесения приговора о монастырской ссылке начиналась местным священником, а заканчивалась государем, которому лично представлялись данные сведения. Это еще раз подтверждает и уровень серьезности выносимого решения, и тот факт, что монастырская пенитенциарная практика в XIX в. практически полностью оказалась на службе у светской власти (Ружинская, Кузнецова 2015: 110). Однако, скорее всего, исследовательницы имели в виду наказание светских лиц за тяжкие преступления, так как архивные документы Тобольской епархии свидетельствуют о ссылке за пьянство духовных лиц без доклада Синоду. В этом случае делопроизводство включало следующие этапы: 1) поступление в духовную консисторию иницирующего документа (рапорта духовного правления или благочинного, доношения служителя духовного правления или архимандрита монастыря (например, в случае обвинения вдового клирика), прошения члена причта); 2) представление указанного документа преосвященному; 3) проставление владыкой резолюции на документе; 4) подготовка духовной консисторией справки по делу; 5) проведение заседания духовной консистории (в дело прилагали выписку из журнала консистории (протокол)); 6) оформление приказа духовной консистории; 7) отправка приказа духовному правлению; 8) доставление рапорта духовного правления консистории.

Пенитенциарная практика русских обителей оформлялась в ответ на потребность в ней церкви и государства, и феномен монастырской ссылки мог существовать лишь в условиях динамического равновесия между духовной и светской властями. Но в условиях абсолютизма в России монастырская ссылка неизбежно смещалась в сторону уголовной репрессивности, а потому в борьбе с расколом теряла черты прошлой гуманности. Духовных лиц на первый раз могли сослать в монастырь. Наказаниями для них являлись выполнение черной работы в монастыре, отстранение от общей трапезы, лишение

возможности ношения рясы и камилавки, «задержание под хлеб и соль или другими средствами» (Матвеева 2013: 10–11).

Общие и отличительные особенности ссылки в монастыри светских и духовных лиц приведены в таблице 1.

Таблица 1

Особенности ссылки в монастыри светских и духовных лиц

Критерии	Духовные лица	Светские лица
Цель ссылки	Достижение раскаяния и исправления осужденных лиц	
Причины ссылки	Общие наказания – за преступления против всех членов РПЦ, за нарушение духовных устоев. Могли употребляться следующие формулировки (в XIX – начале XX вв.): «так или иначе провинившиеся против церкви и религии», «сектанты и другие еретики», «за старообрядчество», «за буйство и дерзкие поступки», «лица, совершившие особенно тяжкие уголовные преступления», «за произнесение дерзких слов», «виновные в противозаконных преступлениях».	
	Особенные наказания – за нарушение своих должностных инструкций, преступления против должности и благочиния. Установленные в 1823 г.: богослужение в пьяном виде, неуважение к дому Божьему, вместо лишения сана для иеродьяконов, иеромонахов и вдовых священников.	За нарушение норм семейного и наследственного права. За распутное, развратное поведение (начало XIX в.). С 1840-х – за преступления несовершеннолетних.
Кто принимал решение	Особо тяжкие дела – государь	
	Епископ	Епископ или «по приговорам присутственных мест»
Инициатор следственного дела	Начальство, коллеги	Священники, миссионеры, «по ходатайству своих родственников»
Удавалось ли достичь цели	Да, но, как правило, только за не тяжкие проступки	Чаще нет, так как вместо раскаяния появлялось ожесточение из-за отдаленности от дома и непригодных условий содержания, что подтверждают многочисленные жалобы в Синод

Таким образом, государство хотело «наказать; затем – лишить его (совершившего правонарушение. – А. С.) возможности распространять свои заблуждения, пресечь пропаганду идей; и, наконец, исправить его, заставить его раскаяться в заблуждениях, по возможности привести его снова в лоно православной церкви. В этом случае важнейшая функция монастыря – духовно-нравственная – служила государственным интересам. Монастырь в качестве острога и монах в роли тюремщика представляли собой яркий пример того, как власть пыталась контролировать абсолютно все сферы жизни общества и сделать РПЦ своим помощником даже в системе исполнения наказаний» (Ружинская, Кузнецова 2015: 111).

Стоит согласиться с Н.А. Беловой в том, что значительный опыт взаимодействия православной церкви с тюремными учреждениями весьма важен и интересен для организации современного пастырского служения в местах лишения свободы (Белова 2011: 81).

Итак, монастыри Тобольской епархии, реализуя общегосударственные цели, осуществляли пенитенциарную практику, являясь местом «ссылки» и «духовного исправления» за совершение религиозно-нравственных, уголовных преступлений и правонарушений. Архивные источники отражают сведения о многократных случаях

применения в качестве наказания «исправления в монастырях» для духовенства и гражданских лиц. При этом сохранившиеся делопроизводственные документы демонстрируют преобладание содержащихся на епитимии лиц духовного ведомства и редкие случаи пребывания в обителях гражданских лиц. В целом в законодательстве и делопроизводственных документах Российской империи конца XVIII – начала XX вв. прослеживаются тенденции к увеличению количества дел по религиозным правонарушениям, рассмотренных местными епархиальными властями, что свидетельствует о переложении судебных функций на духовные правления и консистории с наделением их правом наложения монастырской епитимии. Синод оставил за собой полномочия по решению особо важных духовных и экономических преступлений духовенства.

Можно заключить, что монастырские тюрьмы играли «важную, огромную роль в общественной, народной жизни России». Однако данный вид санкции для светских и духовных лиц был различным по степени тяжести. Так, для светских лиц наказание зачастую являлось чересчур суровым (некоторые узники находились в заточении более 15–20 лет). Духовные же лица отбывали в монастырской ссылке относительно недолгий срок. Условия ссылки в монастырь светских и духовных лиц отличались целью, причинами, лицом, принимающим решение о данном наказании, инициатором следственного дела и итогами ссылки.

Литература

- Алексеев В.И.* 2014. Российская пенитенциарная политика в сфере применения ссылки и тюремного заключения в начале XIX столетия // Юристъ-Правоведъ 4, 92–95.
- Белова Н.А.* 2011. Русская православная церковь и тюремные учреждения: традиции взаимоотношений // Вестник института: Преступление, наказание, исправление 15, 75–81.
- Гайденко П.И.* 2016. Спорные аспекты монастырского «удержания» в домонгольской Руси // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики 6(68): В 2 ч. Ч. 1, 62–65.
- ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 2258.
- ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 2358.
- ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 7. Д. 163.
- Леванов А.Ю.* 2011. Монастырские тюрьмы в механизме уголовной репрессии Российской империи // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал 4, 214–217.
- Манькова И.Л.* 1991. Далматовский Успенский монастырь как место ссылки и заточения // Религия и церковь в Сибири: Сборник научных статей и документальных материалов. Вып. 2. Тюмень: [б.и.], 21–30.
- Матвеева Е.С.* 2012. Особенности церковного судопроизводства по делам о преступлениях, совершаемых духовными лицами в России в первой половине XIX века // Вестник государственного и муниципального управления 4, 49–55.
- Матвеева Е.С.* 2013. Правила церковного судопроизводства по делам о преступлениях в церкви, совершаемых духовными лицами в России в I половине XIX века // Юридические записки 2, 9–16.
- Матвеева Е.С.* 2014. Особенности развития пенитенциарной практики монастырей во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Орловской епархии) // Среднерусский вестник общественных наук 1, 212–219.
- Павлушков А.Р.* 2013. Епархиальное судопроизводство в практике применения церковного наказания XVIII–XIX веков // Вестник Северного (Арктического) федер. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки 1, 23–31.
- Павлушков А.Р.* 2012. Колодники Святейшего Синода: правовой статус и государственное юридическое оформление // Вестник института: преступление, наказание, исправление 4(20), 81–85.
- Полное собрание законов Российской Империи. 1830. Собр. 1. Т. XXXVIII. СПб.: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.
- Рожина А.В.* 2011. Пенитенциарная практика монастырей Вологодской губернии в конце XVIII – начале XX вв. // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та 7(102). Вып. 18, 116–122.
- Ружинская И.Н., Кузнецова Н.Ю.* 2015. Пенитенциарная практика в монастырях Русского Севера в последней трети XIX в.: по материалам А.С. Пругавина // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Т. 4.3, 107–112.
- Скутнев А.В.* 2007. Приходское духовенство: Особенности менталитета и неканоническое поведение (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Новый исторический вестник 16, 63–77.

- Фот А.Г.* 2014. Неканоническое поведение и ответные санкции в среде православного приходского духовенства (На материалах Оренбургской епархии) // Приволжский научный вестник 9(37), 44–51.
- Харламов В.Л.* 2003. Компетенция церковных судов Российской Империи в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия: Право 1(5), 118–129.
- Шорохов Л.П.* 1978. Узники сибирских монастырей в XVIII в. // Ссылка и общественно-политическая жизнь Сибири XVIII – начало XX в. Новосибирск, 294–308.
- Щербич С.Н.* 2001. История монастырей Тобольской епархии во второй половине XVIII – начале XX вв. Опыт социокультурного исследования: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень.

Список сокращений

ГБУТО ГАТ – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске».

ТДК – Тобольская духовная консистория.

A.V. Spichak
Nizhnevartovsk, Russia

PENITENTIARY PRACTICE OF MONASTERIES IN THE RUSSIAN EMPIRE: GENERAL AND SPECIAL IN PUNISHMENT OF LIGHT AND SPIRITUAL PERSONS (ON THE MATERIALS OF THE TOBOLIAN DIOCESE)

Abstract. On the basis of published and archival documents, one of the most important aspects of Russian church history is the problem of the penitentiary practice of monasteries. The author makes an attempt to study the history of exile in monasteries as punishment. A review of the historiography on the topic under consideration was performed. The distinctive features of compulsory removal of secular and clerical persons into monasteries are revealed according to the following criteria: the purpose of the link, the reasons for the link, who made the decision to link a particular person, the initiator of the investigative case, whether the goal (re-education) was achieved. Comparative analysis was conducted with the involvement of the State Archives in Tobolsk, as well as scientific literature. Particular attention is paid to the reasons for confinement in monasteries. To the regional aspect of the penitentiary practice of monasteries, researchers are only beginning to address, and the study of this issue on the materials of the Tobolsk diocese is quite relevant. The subject of this work, which has not been studied before, is wholly disclosed on the basis of the first time archival sources.

Key words: Russian Empire; Russian Orthodox Church; Tobolsk Diocese; monasteries; link; punishment; clergy; secular faces.

About the author: Alexandra Vladimirovna Spichak, Candidate of Historical Sciences, senior lecturer of the Department of Documentation and General History.